

Лесаж Ален Рене

**История Жиль Блаза де
Сантильяне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А48

А48 **Ален Рене Л.**
История Жиль Блаза де Сантильяне / Лесаж Ален Рене – М.: Книга по Требо-
ванию, 2025. – 639 с.

ISBN 978-5-519-93287-5

ISBN 978-5-519-93287-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Краткій біографическій очеркъ Алена-Рене Лесажа¹⁾.

(Alain-Réné Lesage).

1668—1747.

Лесаажъ родился въ 1668 г., на полуостровѣ Рюистъ, въ Бретани; онъ явился изъ этой суровой провинціи въ Парижъ съ вполне уже сформированнымъ умомъ; веселый, остроумный, нѣсколько скептическій, онъ сохранилъ лишь двѣ національныя черты: духъ независимости и сильно развитое чувство собственнаго достоинства; бретонскаго упорства въ немъ не осталось и слѣда. Какія испытанія привели его такъ рано къ знанію жизни и къ той необычайной зрѣлости ума, которая всегда его отличала—это намъ плохо извѣстно. Мы знаемъ только, что девяти лѣтъ онъ потерялъ мать, а четырнадцати отца, который былъ нотариусомъ и секретаремъ суда; затѣмъ онъ попалъ подъ опеку нерадиваго дядюшки и, окончивъ гимназію въ городѣ Ваннъ подъ руководствомъ прекраснаго учителя, уѣхалъ двадцати двухъ лѣтъ въ Парижъ съ цѣлью слушать лекціи на философскомъ и юридическомъ факультетахъ. Въ столицѣ онъ жилъ, конечно, какъ и всѣ молодые люди, и весьма вѣроятно, что самъ былъ не разъ героемъ тѣхъ студенческихъ приключеній, которыя неоднократно описаны имъ. По общему голосу, онъ обладалъ весьма пріятной наружностью, былъ высокаго роста и слылъ за красиваго мужчину; ходятъ слухи о его романѣ съ дамой изъ общества. Какъ бы то ни было, періодъ чисто свѣтской жизни Лесажа длился очень недолго, и въ двадцать шесть лѣтъ онъ уже былъ женатъ на дочери парижскаго буржуа. Съ этого дня онъ

¹⁾ Составлено по Лэвтильяку, Сентъ-Беву, Спенсу и проч.

ведетъ семейную и трудовую жизнь, строго дисциплинированную, и прелестные рассказы, отражающіе, какъ зеркало, жизнь и людей, писались въ одной изъ тѣхъ скромныхъ квартирокъ, которыя онъ занималъ въ разныхъ кварталахъ Парижа. Вотъ что пишетъ по этому поводу англичанинъ Спенсъ, посѣтившій Лесажа въ 1735 году, въ то время, когда онъ жилъ въ кварталѣ Св. Якова (Saint-Jacques): «Домъ хорошо расположенъ, а маленькій садъ—самый хорошенькій, какой я когда-либо видѣлъ въ городѣ; сидя въ задней бесѣдкѣ, Лесажъ—совершенно въ сторонѣ отъ уличнаго шума и собственной семьи; изъ дома вы выходите прямо на террасу, засаженную самыми рѣдкими цвѣтами; затѣмъ, двойной рядъ ступенекъ по бокамъ ведетъ въ крытую аллею, идя по которой вы попадаете въ глубину сада; тамъ ютятся двѣ бесѣдки, обвитыя виноградной лозой и каприфолиемъ и соединенныя открытой галлереей, крыша которой поддерживается тонкими колонками; такимъ образомъ Лесажъ можетъ ходить взадъ и впередъ по этой галлерей въ тѣ минуты, когда онъ не пишетъ въ одной изъ бесѣдокъ». По всѣмъ видимостямъ, Лесажъ, въ первое время послѣ брака, пробовалъ поступить на службу; говорятъ, что у него было въ провинціи мѣсто приказчика у какого-то откупщика казенныхъ доходовъ; во всякомъ случаѣ, онъ не долго оставался тамъ и вернулся въ Парижъ съ глубокимъ презрѣніемъ къ откупщикамъ; впоследствии онъ никогда не пропускалъ случая позорить ихъ на всѣ лады, и его добродушная сатира становится злой и ѣдкой, какъ только ихъ касается. Лесажъ былъ, такъ сказать, практическимъ философомъ; съ юныхъ лѣтъ онъ предпочелъ жить сообразно со своими собственными склонностями и вкусами, не накладывая на себя ига общепринятыхъ мнѣній; этотъ замѣчательный писатель имѣлъ въ высшей степени независимый характеръ и питалъ глубокое презрѣніе ко всякому пусканію пыли въ глаза. По этому поводу весьма характеренъ извѣстный анекдотъ о поведеніи Лесажа съ герцогиней де Буйонъ. Окончивъ своего «Turcaret», Лесажъ читалъ его въ рукописи въ разныхъ кружкахъ и гостиныхъ, подготовляя

публику и пробуя почву, прежде чѣмъ рискнуть отдать его на сцену. Однажды, явившись съ этой цѣлью къ герцогинѣ де Буйонъ, онъ опоздалъ, и ему пришлось выслушать отъ хозяйки кисло-сладкое замѣчаніе на то, что по его милости общество потеряло цѣлый часъ; на это онъ весьма хладнокровно отвѣтилъ: «ну, что-же, сударыня, зато я сберегу вамъ цѣлыхъ два часа» — и моментально исчезъ, несмотря на самыя любезныя удерживанія. Его ненависть къ фальши и напыщенной торжественности дѣлала его склоннымъ не только къ простотѣ, но даже къ извѣстной тривіальности, и онъ нерѣдко предпочитаетъ великосвѣтскимъ салонамъ кофейни, гдѣ съ наслажденіемъ сливается съ толпою, находя въ ней вѣчно новые сюжеты наблюденія. Эта черта проявляется во всей его литературной карьерѣ; онъ мало цѣнитъ такъ называемую «возвышенную» литературу того времени, отказывается отъ поступленія во французскую академію, разрываетъ съ Comédie-Française, воюетъ съ придворными актерами и снисходитъ даже до ярмарочныхъ подмостковъ. Онъ ненавидитъ «фабрики остроумія», какою была напри- мѣръ гостиная маркизы Ламберъ; а между тѣмъ именно онъ даетъ новый лозунгъ вѣку, вложивъ въ уста Фрон- тѣна, въ послѣднемъ актѣ «Tigcaret», знаменательныя слова: «Да здравствуетъ остроуміе!» которыя не разъ повторяетъ и Жиль Блазъ. Лесажъ первый изъ французскихъ писателей разрѣшилъ трудную задачу прожить своимъ перомъ, оставаясь безукоризненно честнымъ и вполне независимымъ. Можно сказать, что онъ тратилъ лишь часть своего таланта на то, чтобы прокормиться и чтобы имѣть возможность сосредото- чить остальные силы на серьезной и вполне художе- ственной работѣ; это позволило ему развить свой умъ, тщательно выбирать свои образцы, какъ въ древней и но- вой литературѣ, такъ главнымъ образомъ въ великой книгѣ жизни, и постепенно пройти весь длинный путь отъ пере- водовъ и подражаній до полной оригинальности. Тайна этой честности кроется, по единодушному отзыву современ- никовъ, въ семейномъ счастьи. Въ скромномъ домикѣ ти- хаго въ то время квартала Св. Якова, около нѣжной Ели-

заветы и среди веселаго шума своихъ четырехъ дѣтей, Лесаажъ чувствовалъ себя счастливымъ, сильнымъ и гордымъ, вдали отъ ига свѣтскихъ требованій и пустоты; тутъ онъ утѣшался отъ горечи работы изъ-за куска хлѣба радостью отдѣлываться и отшлифовывать безсмертное произведеніе. Въ видѣ развлеченія, а также съ цѣлью наблюденій, Лесаажъ посѣщалъ кофейни, и его нерѣдко можно было встрѣтить у Прокопа или у вдовы Лоранъ, гдѣ собирались литераторы и актеры того времени. Въ сорокъ лѣтъ онъ былъ уже почти совершенно глухъ, но это не лишило его обычныхъ ему добродушія и веселости; онъ всегда носилъ съ собою слуховую трубу, которую называлъ своей «благодѣтельницай»; когда разговоръ оживлялся и была надежда услышать что-нибудь интересное или остроумное, нашъ авторъ тотчасъ же вооружался своей трубой, и часто, принявъ участіе въ горячемъ спорѣ, овладѣвалъ вниманіемъ всего кружка; его остроумныя выходки, подчеркнутыя тонкой усмѣшкой, его блестящая рѣчь и прекрасный голосъ собирали всѣхъ вокругъ него, и тогда Лесаажъ могъ прочесть на лицахъ слушателей выраженіе восторга, которое составляетъ какъ-бы улыбку славы великихъ людей. Но стоило появиться скучному или нежеланному гостю—и тотчасъ же «благодѣтельницай» исчезала въ карманѣ, оставляя Лесаажа наединѣ съ самимъ собою. Подъ конецъ своей жизни Лесаажъ значительно ослабѣлъ и владѣлъ всецѣло всѣми своими способностями лишь въ срединѣ дня; съ заходомъ же солнца онъ впадалъ въ сонливое состояніе. Онъ тихо угасть восьмидесяти лѣтъ отъ роду, 17 ноября 1747 г., въ Булонѣ, маленькомъ городкѣ, гдѣ онъ жилъ съ женою и дочерью у своего второго сына—каноника. Его старшій сынъ, Монмениль, былъ актеромъ, чего отецъ долго не могъ ему простить, тѣмъ болѣе, что Монмениль игралъ на сценѣ ненавистной ему Comédie-Française; но однажды, увлеченный друзьями на представленіе «Turcaret», Лесаажъ былъ глубоко тронутъ и даже заплакалъ отъ радости, услыхавъ своего талантливаго сына въ своемъ не менѣе талантливомъ произведеніи. Его родительская любовь воскресла всецѣло,

и когда въ 1743 году Монмениль внезапно умеръ, это сломило старика. Будучи слишкомъ старымъ, чтобы продолжать работать, слишкомъ гордымъ, чтобы просить милостыню, и слишкомъ честнымъ, чтобы жить въ долгъ, онъ тогда рѣшился пріютиться у второго своего сына. Смерть вернула Лесажу его настоящее мѣсто: тотъ, кого такъ мало цѣнили при жизни и похвалу которому всегда приправляли какимъ-нибудь обиднымъ замѣчаніемъ, занимаетъ въ наше время весьма почетное мѣсто среди самыхъ талантливыхъ французскихъ писателей; это мѣсто онъ заслужилъ не только глубокой наблюдательностью, тщательнымъ изученіемъ нравовъ и реализмомъ своихъ типовъ, но еще и необычайной чистотою языка, простотою, точностью и ясностью слога. Между прочимъ, извѣстный критикъ Францискъ Сарсэ пишетъ слѣдующія строки по случаю недавняго представленія на сценѣ Odéon извѣстной комедіи Лесажа «Turcaret»: «Послѣ Вольтера я больше всего люблю Лесажа, котораго издавна ставлю себѣ за образецъ слога. Прочитавъ по обязанности нѣсколько современныхъ романовъ гг. де Рони или Мориса Барэса, напримѣръ, я спѣшу взяться за главу Жиль Блаза и испытываю при этомъ истинное наслажденіе». Смѣло можно сказать, что Лесажъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди французскихъ классиковъ-реалистовъ. Весьма любопытно, что, перечитывая «Критическія замѣтки о Turcaret», появившіяся въ 1708 году, вы какъ будто слышите вопли какого-нибудь «столпа святыхъ традицій» на другой день послѣ представленія одной изъ новѣйшихъ пьесъ на сценѣ извѣстнаго въ Парижѣ Théâtre Libre. Несомнѣнно, что Лесажъ, благодаря своей вполне реалистической концепціи искусства, является на сценѣ самымъ современнымъ изъ классиковъ и, такъ сказать, отцомъ смѣлыхъ попытокъ новѣйшаго реализма. Такова фнзіономія Лесажа по довольно смутнымъ указаніямъ того времени. Этотъ скромный наблюдатель, подобно Ла-Брюйэру, забылъ въ своей портретной галлерей лишь одно изображеніе: самого себя. Его личная жизнь намъ мало извѣстна; очевидно, что, вѣчно наблюдая другихъ, онъ не имѣлъ ни

времени ни охоты наблюдать самого себя. Но зато мы можем довольно подробно прослѣдить если не его собственную исторію, то по крайней мѣрѣ исторію его мысли, т. е.—его произведеній. При изученіи всей совокупности этихъ произведеній вѣсь поражаетъ постепенное и правильное развитіе его таланта, проявившагося сначала въ переводахъ и болѣе или менѣе свободныхъ подражаніяхъ. Начиная съ «Lettres d'Aristénète» и до «Don César Ursin», его работа все болѣе и болѣе сводится къ свободнымъ переводамъ; въ комедіи «Crispin rival de son maître» и романѣ «Le Diable boiteux»—онъ заимствуетъ однѣ рамки, а картину рисуетъ уже собственными красками; наконецъ въ «Turcaret» и «Gil Blas'ѣ» оригинальность его таланта достигаетъ своего полного расцвѣта. Въ самомъ началѣ своей литературной карьеры Лесажъ пріобрѣтаетъ покровителя и полезнаго совѣтника въ аббатѣ де Ліонѣ, который прекрасно зналъ испанскую литературу и познакомилъ съ нею Лесажа; этотъ послѣдній черпалъ въ ней тѣмъ свободнѣе, что ес въ то время уже начинали забывать во Франціи. Но чтобы составить себѣ вѣрное понятіе и выполнѣ оцѣнить очаровательный даръ Лесажа, не слѣдуетъ преувеличивать роли испанскихъ источниковъ въ его произведеніяхъ; въ сущности, онъ дѣлалъ то же, что дѣлаютъ многіе авторы: онъ писалъ день за день и бралъ свои сюжеты гдѣ могъ. Испанская литература имѣла большое вліяніе на французскую уже со временъ Анны Австрійской, хотя надо сказать, что въ концѣ XVII в. она не вдохновляла болѣе такихъ гениальныхъ произведеній, какъ «Cid» и «Don Juan»; но она все же продолжала служить для авторовъ неизсякаемымъ источникомъ, и весьма понятно, что Лесажъ въ своихъ поискахъ за новыми сюжетами обратилъ вниманіе на испанскій театръ, вдохновлявшій до него Мольера и Корнеля. Впрочемъ, у Лесажа были иныя цѣли, чѣмъ у его предшественниковъ, и онъ ясно высказывается въ предисловіи, написанномъ въ 1700 г. «исключительно для того, чтобы ознакомить публику съ этими планами»; это предисловіе къ «Испанскому театру» Лесажа въ высшей степени курьезно и стоило-бы, чтобы

его перепечатавали въ новыхъ изданіяхъ; въ немъ авторъ смѣло заявляетъ, что онъ будетъ подражать испанцамъ въ томъ, что у нихъ есть блестящаго и оригинальнаго, избѣгая всего чрезмѣрнаго, хвастливаго, а также галиматіи ихъ высокопарныхъ выраженій. Для пробы Лесажъ выпустилъ двѣ комедіи: «Le Traître puni» и «Don Félix Mendocse»; обѣ піесы отнюдь не переводы, а то, что французы называютъ «adaptation», т. е. примѣненіе ко вкусамъ французскихъ читателей. Въ нихъ Лесажъ дѣйствительно выполняетъ все обѣщанное, и все-таки эта его работа не имѣла успѣха. Въ 1702 г. Лесажъ выступаетъ на сценѣ Théâtre Français съ новой пятиактной піесой: «Le Point d'honneur»; но и тутъ терпитъ фіаско. Наконецъ, въ 1704 году онъ выпускаетъ въ свѣтъ своего «Don Guichotte», и добивается большого успѣха. «Don Guichotte» держивается четыре изданія еще при жизни автора. Въ 1707 году на сценѣ Théâtre Français идетъ новое произведеніе Лесажа: «Don César Ursin»; оно проваливается, но зато послѣ «Don César Ursin» играютъ вторую маленькую піесу того же автора, и она имѣетъ громадный успѣхъ; это «Crispin rival de son maître». Съ этой комедіи начинаются нападки Лесажа на финансовый міръ, и въ «Crispin» уже можно предугадать «Turcaret». Въ этомъ же году появляется знаменитый «Diable boiteux»; оглавленіе, рамки и дѣйствующія лица взяты съ испанскаго, но все это приновлено къ парижскимъ нравамъ и оригиналъ переработанъ авторомъ уже по собственному усмотрѣнію; Лесажъ разсыпаетъ щедрою рукой намеки на людей и на событія того времени и ловко сливаетъ позаимствованное съ прибавленнымъ имъ самимъ въ одну гармоничную и забавную картину; его чортъ, знаменитый «Асмодей», имѣлъ феноменальный успѣхъ; въ одинъ годъ появилось два изданія и готовилось третье. Говорятъ, что однажды Буало, у котораго Руссо былъ въ достяхъ, увидавъ «Diable boiteux» въ рукахъ своего молоденькаго лакея, пригрозилъ ему немедленно выгнать его вонъ, если только эта книга переночуетъ въ его домѣ! Несомнѣнно, что для лакея книга была не особенно назидательна.

тельна и что мораль ея—чисто практического свойства: никогда не оставаться въ дуракахъ. Однако, про нее можно сказать то, что было сказано про Жиль Блаза: эта книга нравственна, какъ сама опытность. Послѣ «Diable boiteux» и «Crispin rival de son maître» уже ясно, что Лесажъ способенъ освободиться отъ всякихъ образцовъ и стать вполне оригинальнымъ творцомъ. Въ это время онъ приближался къ сорока годамъ, и два его шедевra—«Turcaret» и «Gil Blas»—были наготовѣ. Въ 1708 г. Лесажъ кончаетъ своего «Turcaret» и 15-го мая его читаютъ въ комитетѣ Comédie-Française. Минута для этой ѣдкой сатиры надъ откупщиками была какъ будто неудачно выбрана. Эти господа казались наверху величія; но, въ сущности, съ самаго начала вѣка противъ нихъ накоплялась цѣлая бездна ненависти во всѣхъ слояхъ общества, и Лесажъ явился со своимъ произведеніемъ какъ нельзя болѣе кстати; онъ отгадалъ и опередилъ тотъ моментъ, когда, послѣ смерти Людовика XIV, должна была разыгратъя цѣлая буря противъ казенныхъ откупщиковъ и всякихъ выскочекъ. Хотя и вдохновленный, быть можетъ, личными счетами, авторъ былъ въ то же время вѣрнымъ отголоскомъ общественной вражды противъ всякаго рода финансистовъ; но если онъ желалъ своей пьесой вызвать смѣхъ, то надо было спѣшить: нѣсколько лѣтъ спустя необъятность разоренія, порожденнаго пресловутой «Системой», вызвало бы на представленіи «Turcaret» не смѣхъ, а гнѣвные слезы и проклятія. «Turcaret» шелъ на сценѣ Comédie-Française въ 1709 г., и то съ большими затрудненіями и по особому приказанію наслѣднаго принца. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что эта комедія не долго въ первый разъ пробывала на репертуарѣ; несомнѣнно, что противъ нее былъ организованъ заговоръ цѣлой шайки откупщиковъ. Что же касается публики, то она очевидно оцѣнила литературныя достоинства и ѣдкую насмѣшку этого произведенія.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору переведенной нами капитальной вещи Лесажа «Gil Blas», намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ объ остальныхъ его произведеніяхъ: надо признаться, что ихъ многочисленность равняется ихъ посред-

ственности и что ихъ главное достоинство въ томъ, что они дали ихъ автору «хлѣбъ насущный» и позволили ему подолгу работать надъ остальными своими твореніями. Впрочемъ, безчисленные піесы, написанныя имъ для ярмарочныхъ театровъ-подмостковъ, изобилуютъ подчасъ такимъ неподражаемымъ остроуміемъ и отличаются такою живостью дѣйствія, что вполнѣ оправдываютъ заслуженный ими успѣхъ и доказываютъ, что не только мысль о заработкѣ толкнула Лесажа на этотъ путь, а что онъ слѣдовалъ отчасти своему влеченію, щедро разсыпая тамъ соль своихъ остротъ. Наконецъ, въ 1738 г., т. е. три года послѣ появленія послѣдняго тома «Gil Blas'a», Лесажъ напечаталъ «Bachelier de Salamanque»; говорятъ, что онъ питалъ большую нѣжность къ этому плоду своей старости. Сатира Лесажа—помимо его комедіи «Turcaret», въ которой онъ постарался внушить отвращеніе къ пороку,—всегда остается добродушно-веселой, и это несомнѣнно составляетъ ея главную прелесть и оригинальность. Особенно ярко эти черты выступаютъ въ «Gil Blas'ѣ», этомъ легкомъ и прелестномъ шедеврѣ, который увѣковѣчилъ имя Лесажа. Первые два тома появились въ годъ смерти Людовика XIV, т. е. въ 1715 г. Въ нихъ отразились свѣжесть и свободомысліе только-что занимающейся зари новаго вѣка; необузданная веселость скрашиваетъ злоключенія героевъ, и только два разсказа, про донну Менсію и про бракъ изъ мести, оканчиваются трагедіей; третій томъ, появившійся девять лѣтъ спустя, носитъ уже совершенно иной отпечатокъ; болѣе внѣшнее описаніе событій уступаетъ мѣсто психологическому анализу характеровъ; авторъ какъ будто «созрѣлъ» вмѣстѣ со своимъ героемъ; тонъ его дѣлается серьезнѣе и природная веселость умѣряется извѣстной степенностью. Очевидно, что авторъ уже пріобрѣлъ большую опытность жизни и что ему хорошо стали извѣстны пріемы подкупа князей церкви, властителей міра и театральныя тирановъ. Эта вторая часть превосходитъ остальные во всѣхъ отношеніяхъ и соотвѣтствуетъ кульминаціонному пункту таланта Лесажа. Четвертый томъ, вышедшій въ 1735 г., т. е. двадцать лѣтъ послѣ двухъ первыхъ, значительно слабѣе остальныхъ, но

и въ немъ есть своеобразная прелесть, а описаніе семейной идилліи героя является для читателя пріятной неожиданностью. Во всемъ этомъ длинномъ разсказѣ или, точнѣе говоря, цѣломъ рядѣ разсказовъ ярко выступаетъ единство замысла, а также и единство личности героя. Цѣль Лесажа—изображеніе человѣческой жизни такой, какая она есть на самомъ дѣлѣ, со всѣми странностями, которыя вводятъ въ нее судьба и различіе нашихъ характеровъ, вкусовъ и пороковъ. Вальтеръ Скоттъ даетъ прекрасную характеристику того рода сатиры,—живой, легкой и остроумной, а вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительной и доброжелательной,—которою отличается «Gil Blas» «Прочитавши эту книгу, говоритъ онъ, читатель остается доволенъ самимъ собою и всѣмъ родомъ человѣческимъ». Трудно было ожидать подобнаго результата отъ сатирика, не желавшаго прикрашивать человѣчество; но вѣдь въ Лесажѣ не было также и желанія оклеветать его. Его иронія не есть продуктъ больной души; въ немъ нѣтъ ни злопамятства, ни горечи, и это составляетъ отличительную черту его сатиры; поэтому-то онъ утѣшаетъ людей, хотя и смѣется надъ ними; въ его насмѣшкѣ никогда нѣтъ ничего обиднаго и оскорбительнаго. Этимъ онъ глубоко отличается отъ Вольтера, на примѣръ, который кусается и смѣется недобрымъ, ѣдкимъ смѣхомъ. Въ первыхъ двухъ томахъ «Gil Blas'a» передъ глазами читателя поочередно проходятъ самые разнообразныя классы людей: воры, служители церкви, разбойники, доктора, авторы, комедіанты, и такъ далѣе безъ конца; очевидно, что всѣ эти типы хорошо знакомы Лесажу и онъ съ неподражаемымъ юморомъ повѣствуетъ намъ о закулисныхъ сторонахъ ихъ жизни. Въ третьемъ томѣ мы видимъ, какъ герой постепенно поднимается по лѣстницѣ общественной іерархіи, и по мѣрѣ того, какъ сфера его дѣятельности возвышается, нравоученія автора становятся болѣе смѣлыми и рѣзкими. Впрочемъ, въ сатирѣ Лесажа никогда нѣтъ никакой воинственности; нѣтъ стремленія къ торжеству высшихъ идеаловъ; онъ смѣется, находя прелесть въ самомъ смѣхѣ и желая показать читателю человѣческую натуру во